

Елена
Цыгальман

12+

*Проникновенные
невыдуманные истории
с авторскими
иллюстрациями*

ВРАТА
НАДЕЖДЫ

Сборник
рассказов

Елена Цыгальман
Врата надежды.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56590035

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-05058-7

Аннотация

Реально ли с помощью одной точки снизить цену бриллиантов? Можно ли вызвать у ребенка аппетит с помощью литературы? Почему иногда полезно "включать бабу"? Правда ли что в Израиле только два сезона года? Почему, при простуде, израильтяне открывают окно? Ответы на все эти животрепещущие вопросы вы непременно найдете в этой книге с авторскими иллюстрациями!

Содержание

Если ты полюбишь эту страну	4
Наблюдения	4
Врата надежды	7
Если ты полюбишь	11
Хочу быть начальником	13
Жужу	15
Мы можем, если захотим!	17
Точка	19
Минутный порыв	22
Закажи себе идеал	25
Бригадирша	27
Вот так встреча!	29
Снег	31
И смех и грех	34
Домобильная эпоха	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Если ты полюбишь эту страну

Наблюдения

Когда заболевают простудой израильтяне, родившиеся здесь, они открывают настежь окно, чтобы дать микробам убежать в форточку. И пьют чай с лимоном. Мы закутываемся потеплее, прогреваем помещение, где находимся, и пьем чай с имбирем, лимоном и медом. Чай с лимоном мы можем пить просто так, потому что это вкусно. Местный, увидев это, сочувственно спрашивает: «Что, простыла?»

Супы мы можем есть каждый день, потому что любим. Израильтяне (местные) супы «пьют» – так это звучит на иврите, обычно зимой или просто в холодную погоду, чтобы согреться.

Мы любим стихи, можем декламировать их долго и с выражением, потому что это красиво и вызывает много эмоций. На иврите и стихотворение, и песня звучат одинаково. Местные искренне недоумевают, в чем смысл стихов, если это не песня. Здесь стихи в школе наизусть не учат, разве что изредка произнесут на какой-нибудь церемонии.

Здесь миллионера иногда не отличить от рабочего – держится просто, одевается как все и часто очень коммуникабельный и улыбчивый, понтов ноль. Мэры городов обычно бывают на всех городских мероприятиях, ходят без свиты и охраны, доступны для местных жителей.

Однажды я работала на уборке довольно убогой квартиры, где по ощущениям у хозяев уровень дохода был намного ниже, чем в моей семье – просто мы тогда работали по одиннадцать-двенадцать часов в сутки, а они были беспросветными лодырями.

Израиль – страна контрастов, и обвешанная с ног до головы золотом-серебром дамочка на пляже может иметь колоссальный минус в банке на счету, а тот босоногий парень в старой футболке, что ведет коня под уздцы, может быть владельцем ранчо.

Врата надежды

Полтора года в Израиле. Мы тогда только проводили в последний путь папу. Все были разбиты. Все прошло так быстро, даже толком осознать не успели – ночью умер, а в четыре дня уже похороны – здесь так принято. У нас почти не было никого в стране. Приехала кузина с мужем. После кладбища они сразу поехали домой, даже не зашли к нам на скорбную трапезу – у них, видите ли, диета...

С большой благодарностью вспоминаю соседей – религиозная семья, приятнейшие люди – это сосед собрал миньян (десять мужчин) для молитвы, чтобы проводить в последний путь папу по еврейской традиции. Это соседка тепло обняла нас с мамой, выразив сочувствие, отчего у нас с мамой сошло окаменение от горя, мы смогли умыться слезами...

Я позвала на похороны хозяина ресторана – Ярдэна, где последнее время работал отец, а сейчас муж мыл у него посуду. Он пришел не один, взял своих сыновей и управляющего. Они помогли нам только своим присутствием там. И уже мы были не так одиноки в своем горе. Перед тем как Ярдэн готовился уезжать домой, он обратился ко мне. Наверное, в тот момент я была главой нашей маленькой семьи из трех человек, потому что я единственная владела ивритом и принимала многие жизненно важные решения. «Если нужна какая-то помощь – обращайся, не стесняйся». Это

были очень важные слова. То, на что можно было опереться в трудный час, то, что помогало понимать, что мы не одни, что есть люди готовые помочь, хотя я не представляла тогда, чем он может помочь.

Середина августа, я на седьмом месяце беременности и мама, еще не пришедшая в себя, мы вдвоем поехали на разведку местности в Петах-Тикву. Почему меня тянуло именно туда, я не могла объяснить – меня вела интуиция. Может, потому, что название города переводится как «Врата надежды»?

Мы ехали в неизвестность: только дорога в одну сторону занимала три часа, а мы еще рассчитывали найти в этот день квартиру на съем. Это было невысказано: я с пузом и токсикозом, месяц самого изнуряющего зноя и мама в качестве группы-поддержки.

В Петах-Тикве у нас были знакомые. Ну, как знакомые – мы даже не виделись никогда. Мама общалась с ними по телефону, они подсказывали, помогали советом новым репатриантам, каковыми мы тогда были – у них был уже семилетний опыт проживания в стране. И мы ехали теперь к ним в «гости».

Они жили тогда на небольшой вилле, встретили нас на остановке, накормили, окружили теплом. Мы почувствовали себя у родных дома – так стало светло и тепло на душе! Они нам и стали потом родными, близкими людьми.

Но засиживаться после вкусного обеда было некогда –

мы приехали искать квартиру. Ходить по разгоряченной Петах-Тикве в почти полдень и читать плакаты, вывешенные на домах, о том, что сдается квартира?

Я тогда чувствовала себя антенной – просто ловила подсказки интуиции и слепо следовала им. На авось. Мой «авось» сказал мне позвонить Ярдену и спросить, нет ли у него знакомых в Петах-Тикве, которые сдают квартиру. Вот уж, воистину – пальцем в небо!

Я набрала на дисковом тогда еще телефоне наших друзей номер Ярдена. Так, мол, и так. Мы тут, и мы в поиске. Сегодня. Сейчас. Сказал перезвонит. Позвонил минут через сорок. Сказал, что в Петах-Тикве у него живут две сестры и есть неподалеку от автобусной станции квартира его родителей – она сейчас пустая, мать в доме престарелых, больна, под наблюдением персонала. Квартира, говорит, никогда не сдавалась внаем, поэтому немного запущена, но там полно посуды, мебели, вам на первое время пригодится... Бинго! Уже через час мы подходили к своей будущей съемной, удобной по всем параметрам и по цене квартире, встретились с двумя милыми женщинами и заключили устный (!) договор об аренде.

В конце августа мы уже переехали и заселились.

В первых числах сентября, ночью, я стояла на небольшом балкончике, предназначенном для стирки и сушки белья, и вглядывалась в глубокое, иссиня-черное небо. В ту ночь был звездопад. Я благодарила бога за все подсказки и подарки

судьбы и загадывала желания. Много было желаний. И много падало звезд. Надо ли добавить, что желания рано ли, поздно ли, но осуществились? Причем все!

Если ты полюбишь

Из Хабаровска в Тель-Авив мы летели четырнадцать часов! Мы летели с группой молодежи по программе ульпан-кибуц. Дорогой почти все успели передружиться... Когда я вышла с двумя чемоданами из здания аэропорта, на меня дыхнула жарой и духотой страна моих предков.

Мы ехали в такси до кибуца, и я не могла налюбоваться видами, освещенного огнями ночного Тель-Авива, хотя глаза сами закрывались. По приезде к нам подошли какие-то незнакомые ребята, не говорящие ни по-русски, ни на иврите, и помогли нам донести чемоданы до нашего домика, как позже выяснилось, это были наши одноклассники из Америки и Аргентины.

Мы, три девочки, разместившись в одном небольшом и уютном домике, стали ловить радиоволну – ловилась только ивритская речь и музыка. Голова шла кругом. От переизбытка чувств я не могла уснуть, кое-как дождалась раннего утра и отправилась одна осматривать окрестности кибуца. Был месяц март, вокруг все расцветало, пели птицы, воздух был насыщен разными ароматами цветов и трав, все было так красочно и зелено, что я подумала: «Наверное, именно таким был Эдемский сад».

Мне нравилось абсолютно все, что меня окружало: новые друзья, работа, кибуцники, обучение в ульпане, наши учителя-

ля и наставники. Я легко влилась в новую жизнь и пила ее полной чашей.

Конечно, спустя пять счастливых месяцев, проведенных в тепличных условиях, было тяжело выходить на вольные хлеба. Тогда-то и начались трудности. Тяжелый климат Твeрии, где я продолжила учебу в Центре абсорбции, неудачная система обучения, необходимость работать в выходные и от этого жуткий недосып.

Потом ко мне присоединился муж и... Моя первая беременность протекала с сильнейшим токсикозом. У родителей началась ностальгия – мама быстро ее излечила визитом на Родину. У папы обнаружили неизлечимую болезнь.

Но мы выстояли. Родили двух чудесных дочерей. Овладели ивритом в достаточно хорошей степени, чтобы работать в той сфере, которая приносит удовольствие. Приобрели свою квартиру.

Если ты полюбишь Израиль, то и он полюбит тебя. Я счастлива, что живу именно здесь. Потому что нет у меня другой страны, даже если она охвачена огнем...

Хочу быть начальником

Среднего роста, подтянутая, в элегантной светлой одежде, с короткой стрижкой на темных волосах и аккуратным маникюром женщина пришла со своим спутником. Спутник был из местных, большой и довольно неряшливо одетый израильянин, которому на вид было изрядно за пятьдесят. Даме было около пятидесяти. Ее прислали из центра занятости работать на заводе. По едва заметным только нам, давно живущим здесь, признакам в ней читалось, что она совсем свежая репатриантка, которая была едва знакома с израильскими реалиями.

– А можно посмотреть работу?

Мы тогда еще практиковали показ рабочего места и конвейеров, когда были не очень сильно загружены.

– Вообще-то, я хочу быть начальником, – смело предварила свою экскурсию кандидатка на рабочий конвейер.

– Ну что ж, посмотрим, – прокомментировал заявление дамы Валера. Он на заводе работал лет сто, поэтому и бровью не повел, еще и не с такими имел дело каждый день.

Валера выдал ей одноразовую шапочку и неспешно повел показывать разные участки работы.

– Вот это Абрам, работает пекарем, он доктор физико-математических наук. Это Сергей, инженер-железнодорожник – оператор конвейера. Это Аня, она тоже имеет два высших

образования в области кибернетики, сейчас плетет халы на конвейере. Это работник склада, Эдуард, бывший директор собственного ресторана.

Когда они вернулись с экскурсии, взгляд у кандидатки немного потух. Куда подевались апломб и нагло-завидная уверенность? Оказывается, ее высшее образование совсем не является чем-то из ряда вон выходящим.

Она что-то тихонько сказала своему спутнику, и они тихо удалились.

Потом она вновь вернулась к нам, лет через шесть, с направлением от центра занятости и с тем же спутником.

Я сразу узнала парочку. Таких запоминаешь надолго. Видно было, что она уже не горит желанием работать начальником. Хотя уже неплохо усвоила иврит. Все так же прямо держится, так же элегантна. В голосе появилась простота, и смягчились некогда звучавшие в голосе стальные нотки.

Познакомившись немного с жизнью в Израиле на собственном опыте, она уже искала не должность, а просто работу с нормальными условиями. Работа на нашем заводе все-таки слишком тяжелая. И они оба опять ушли ни с чем.

Жужу

Я тогда жила в центре абсорбции, а училась на курсах подготовки к большому курсу «Гостиничное дело». На красивых рекламных проспектах все выглядело куда привлекательнее, чем в реальной жизни. Слава богу, я узнала всю горькую правду о профессии еще до того, как начала основной курс, и к счастью, забеременела и не могла идти дальше по намеченному пути. Но это потом.

А пока... У моих родителей заканчивался срок аренды квартиры в Йокнеаме. И я искала им жилье в Тверии. Там и я могла бы уже жить с ними, оставив не слишком приветливый (не сложилось у меня с соседкой) центр абсорбции.

В нашем центре был симпатичный молодой охранник, столь же широк плечами, как и талией, Рони, кажется. Обратилась к нему со своей проблемой, мол, не подскажешь, к кому обратиться. Рони давно и безответно строил мне глазки и был рад оказаться полезным. По его наводке я с подружкой пошли посмотреть «жилье». Нет, это помещение совсем не виделось приспособленным для жизни. Для складского помещения еще куда ни шло, но жить там... Там были щели размером с кулак, мрачные стены и убитые пол, трисы. В общем, что-то с чем-то... Я так и сказала потом Рони – это не квартира. Рони с пониманием согласился. «Катастрофа?» Я кивнула.

Потом пришлось снимать через маклера, Жужу, человека без сантиментов, как потом оказалось, когда мы возвращали ему квартиру обратно. Он требовал у нас, зеленых оливок, зная нашу ситуацию, что мама в этот год стала вдовой, а я беременной (ко мне уже приехал муж), возмещения ущерба за треснувшее стекло.

Стекло пошло трещинами, как я поняла, в результате террористического взрыва на бензоколонке. Бензоколонка находилась неподалеку от нашего дома. Благо в это время, буквально за неделю до нашего переезда в другой город, никого из нас не оказалось дома, мы узнали о теракте из сводки новостей по радио, и сами даже испугаться не успели. Бог ему судья. Я сразу спросила его в лоб «сколько ты хочешь?» на его истеричные выкрикивания. Вынула одну бумажку в сто шекелей, и он моментально стих.

Мы можем, если захотим!

Моя тогдашняя подружка Лена проходила какой-то курс, где в программе была высшая математика. Она единственная была там репатриантка из России, остальные ребята все местные. Она решала все задачки моментально, на раз-два. Остальные подолгу корпели над заданиями и с трудом решали. К слову сказать, в России Лена училась в институте физкультуры. Один парень-сокурсник ей с завистью так и сказал: «Вам хорошо, вы все умные», имея в виду выходцев из постсоветского пространства.

Моя другая подружка Аня работала официанткой, и когда один из ее коллег спросил, кто она по специальности, очень удивился ответу: «Ты учительница? Да ну, привираешь, не может быть, какая из тебя учительница?!» Подружка меж тем подтвердила специальность и работала учительницей уже несколько лет. А тот ее бывший коллега, из местных, так и работал официантом.

Моя третья подружка Ирит – религиозная замужняя женщина, носительница языка иврит с рождения, училась на курсе страховых агентов. Она рассказывала с восхищением и удивлением, что у них один из преподавателей – русскоязычный репатриант по имени Алекс, владеет ивритом настолько виртуозно, что она ему в подметки не годится со своим знанием языка.

Все эти сюжеты я собрала в одну копилку только для того, чтобы поддержать новых и старых репатриантов. Мы можем много, нам дано немало, мы, за редким исключением, не избалованы, у нас отлично работает смекалка, мы умеем выживать в трудных условиях, а если у нас есть цель – мы можем горы свернуть!

Точка

Однажды меня позвали работать на Алмазную биржу. Вот, представьте, сами позвали по моему интернетному объявлению!

Я, правда, прошла трехступенчатые интервью и все такое...

Секретарем. Хозяин был из бухарских, говорил на русском, английском и иврите. Расчет на русскоязычную служащую был в том, что когда мы будем с ним говорить по-русски, никто из работников его компании нас не поймет. Кроме дочери и сына, работавших здесь же. Зато мы будем понимать всех остальных. Это я позже выяснила.

Ну что вам сказать? Работа как работа. Только... Одной из моих функций было делать обновление на сайте компании, где продавались за границу бриллианты.

Там были необходимы серьезные знания не только программы Эксель, но и программиста, работа с кодами.

Я, конечно, все тщательно записывала, учась у предшественницы, но работа была как вслепую, тупо вводя коды и не совсем понимая все, что происходит на главном сайте после каждого из моих действий – не лучший вариант.

Конечно, это был этгар (вызов самолюбию – перевод с иврита) для меня. И я старалась изо всех сил.

Зарплата была копеечная, и не только у меня, у всех ра-

ботающих на телефоне агентов тоже. Требования и ответственность – колоссальные, я была все время в напряжении. По сути, на мне сэкономили – вместо того, чтобы нанять специалиста, трудоемкий труд программиста поручили секретарю.

Камешки лежали передо мной в бумажных конвертах, и я боялась к ним прикоснуться – а ну как упадет на ковер? А он размером со спичечную головку! Ползай потом там под столом, ищи его! Нее, я не трогала руками бриллианты...

Офис был далек от того, каким я его представляла. Видно было, что он еще хранит модные дизайнерские тенденции... 70-х годов. Мебель старая, темная. Кухня малюсенькая и почти пустая. Щедростью хозяева не отличались.

Камеры были натканы по всем периметрам офиса и здания. Охранники на входе (даже не на выходе) шмонали так, что я сама себя начинала в чем-то подозревать.

Лифт скоростной – там реально закладывало уши. Внутри здания есть и почтовое отделение, и таможня.

Такой город внутри.

Самого лучшего качества готовые камешки отправлялись через службу DHL куда-то за границу для получения сертификата.

Я видела, как там заключаются сделки... Иногда без бумаг и договоров, одним пожатием рук. Честного купеческого слова было достаточно.

Возвращаясь к сайту. Однажды я, заблудившись в кодах,

случайно поставила в таблице точку.

Этой точкой я снизила цену бриллиантов в несколько раз. Начался шквал звонков, создался настоящий ажиотаж. И сын хозяина догадался, в чем причина. Потом он весь остаток дня висел на телефоне, объясняя клиентам, что произошла ошибка, что тут сидит неопытная секретарша, мол, это из-за нее все...

Я готова была сквозь землю провалиться, и мне казалось, что все остальные служащие в мою сторону косятся с укоризной.

Я поняла уже тогда, что в этой компании дни мои сочтены, и никакой этгар мне не поможет.

Так и случилось, мне дали доработать до конца недели и уволили в пятницу.

Не очень-то и хотелось... «Любовь без радости была – разлука будет без печали».

Минутный порыв

Они стояли на витрине так близко – руку только протянуть. Роскошного изумрудного цвета...

Носочек был закрытый, лакированный, не острый, а чуточку квадратный с приятными закруглениями. Остальная часть из крашеной замши. Каблук был тоже квадратным, широким, устойчивым и очень высоким.

Они смотрели прямо на меня, маняще провоцируя, вызывая... Я не смогла устоять перед таким откровенным соблазном – сорвала их с магазинной полки, как первоцвет, и быстро, решительно обулась в прекрасную пару.

Это был мой размер! Сидели как влитые, словно созданные для меня... Ножка в них смотрелась – просто загляденье...

Они стали принадлежать мне. Поначалу долго стояли в шкафу, вызывая во мне чувство восхищения.

Я обула их впервые на выход только на Новый год. Благо это было не официальное мероприятие, а домашнее. Мои стопы смогли выдержать испытание этой красотой не более получаса. Потом они были небрежно отброшены и валялись где-то в углу.

В них можно было только красиво, даже не сидеть, а лежать!

Несмотря на кажущееся удобство колодки, каблук был для меня слишком высок.

Еще пару лет эти красавцы простояли в моем шкафу. Потом я начала проводить «зачистку» шкафа – методично выбрасывать все, что не было надето или обуто более года. Я не с первого раза на это решилась... Они были все такими же безупречно красивыми и новыми. Однажды разум таки возобладал над чувствами. И пара оказалась на улице возле мусорного контейнера. Я еще какое-то время тешила себя надеждой, что кто-то другая их приютила у себя.

То была всего лишь неразумная страсть, минутный порыв, иллюзия любви, но не любовь...

Закажи себе идеал

Хаим пережил тяжелый, мучительный развод с предательством и поначалу даже впал в такую депрессию, что несколько месяцев не мог работать.

Потом потихоньку отошел, пришел в себя и даже стал искать себе подругу. Ему было немного за 55, вполне импозантный, хотя и с приличным пузиком, которое, добавляя ему округлости, позиционировало его как добряка и весельчака. На самом деле он был латентно-устойчивым пессимистом.

С женщинами не очень складывалось. Все были проходными. Правда, и Хаим не слишком вкладывался в отношения. Однажды он вручил своей даме букет... петрушки. «А что? И красиво, и в суп можно положить». Советником в делах амурных у Хаима был Йоханан – вальяжный, лодырь-сердцеед, его ровесник. И его «наука страсти нежной» постоянно давала сбой в исполнении Хаима. В конце концов они разругались в пух и прах, а потом Йоханан и вовсе уволился.

Когда Хаим стал спрашивать моего совета, я прибегла к помощи метафизики...

«Послушай, вот тебе нужна женщина. А какая она, твоя идеальная избранница? Как она должна выглядеть, какого роста, с какой фигурой? Какого цвета ее волосы? Как звучит

ее голос? Какой у нее характер? Что она любит? Представь все в подробных деталях. И запиши на бумаге все качества, что ты себе намечтал. Потом ты кладешь этот лист перед собой и каждый день читаешь, можно вслух. Можно не один раз в день... Чем больше ты будешь верить в этот образ, тем скорее он материализуется».

Хаим ушел окрыленный.

Прошло месяца три. Я уже и сама забыла про те рекомендации, что так явственно нарисовала Хаиму. Больше не было того пессимиста – Хаим выглядел теперь холеным, ухоженным, с выражением довольного, объевшегося сметаной кота... А потом и вовсе сообщил нам об официально-религиозной регистрации брака в Раббануте. Фото своей милой нам показывал, хвастался.

Лишь спустя полгода я спросила Хаима, прибег ли он к моему совету тогда и похожа ли его новая супруга на тот, изначально намечтанный образ его идеала? Хаим сказал, что он сделал все, как я сказала. А образ... Отличается, но совсем немного, лишь в незначительных деталях.

Бригадирша

«Шевелите помидорами! Чего рассупонились? А вы, новенькие, вы как себя ведете вообще?! Почему девочки, которые давно работают, должны терпеть к себе такое нах... отношение?! Здороваться надо с утра, а не морды отворачивать!»

Красивая, белокурая, в очках элегантной оправы бригадирша Лена производила впечатление утонченной интеллектуалки, и ее образ, ну никак не вязался с тем, что она из себя выплескивала.

Никто не собирался выслушать сторону новеньких, в числе которых была и я. Когда мы утром подошли к дверям завода электроники и собрались было поздороваться, «старослужашие» дружно, как по команде, демонстративно отвернули от нас головы. «Ну, что ж, насильно мил не будешь, значит, не принято тут здороваться...»

«Старые» весь день из кожи вон лезли, чтобы дать нам понять, что мы им не ровня.

Весь коллектив состоял только из русскоязычных женщин, и все оказались как на подбор. Мне уже приходилось выживать в осиных гнездах, но чтобы вот до такой степени... Это что-то немыслимое.

Наверное, там была разновидность дружбы, и в свой «элитный» клуб они мало кого допускали.

Все-таки я там кое-как смогла продержаться четыре дня. На пятый мои глаза не выдержали напряжения и запротестовали отчаянной головной болью.

Я даже не нашла в себе смелости позвонить туда и сказать, что больше не приду – настолько сильно было потрясение, такое случилось со мной впервые. «Бежать, бежать из такого коллектива, от такого руководства, от такого отношения, не оглядываясь», – было единственной мыслью.

Вот так встреча!

Насте так и сказал, когда делал предложение: «Я в России жить не смогу. Я, как глава, семью должен обеспечить, в Израиле я уже двадцать лет – там мне все привычно, там я смогу». Настя не возражала.

Потом была регистрация брака и жизнь на две страны. Первый раз съездила без неприятных приключений. Во второй... Напрасно сказала, что к мужу приехала. Хоть и билет был в обратный путь. Задержали. Стали задавать много вопросов. Обыскали. Отправили в каталажку. Несмотря ни на что держалась молодцом, искала и находила плюсы. «Обращались с нами хорошо. Кормили там вкусно, три раза в день. Охранники подходили, интересовались, почему так мало ем, не устраиваю ли голодовку? А там были такие огромные порции, куда мне столько!»

В тюрьме было много невест, из разных стран. Кто-то был настоящей невестой, кто-то приехал на заработки. Не все стоически и невозмутимо принимали свое положение, как Настя. Некоторые скандалили, возмущались, бились в истерику. Одна итальянка сначала кричала, потом рыдала, потом всхлипывала без остановки. Настя посоветовала охраннику вызвать ей доктора, «ведь инфаркт хватит ее, не дай бог, а вам отвечать придется». Доктора вызвали. Поставили ей успокоительный укол, состояние ее и вправду внушало опа-

сения».

В общем, «от сумы и от тюрьмы»... Пережили и это. «Бедный муж – он переживал, что помочь не может ничем. Маме до сих пор не рассказала, зачем ей знать про такое».

Потом все сложилось. Получила вид на жительство, родила ребенка, дали гражданство, перед тем произнесла клятву на верность Израилю.

Израиль очень полюбила, несмотря на предыдущие заключения. Он дал и кров, и дом, и семейное счастье, и любимую работу. Раз в год приезжает на малую родину, в Россию. Все там теперь воспринимается иначе. Сестра ей на улице: «Прекрати улыбаться, как дурочка, на тебя все смотрят!» Оглянулась вокруг – и правда смотрят! «Никто вокруг не улыбается – я единственная».

Снег

Вот нет у нас в Израиле с погодой золотой середины... После жары и зноя и сопутствующим им майкам и шортам почти сразу мы надеваем теплые куртки, без плавного перехода в элегантные блейзеры, платья и рубашки с длинным рукавом и т. д. Где она, эта осень? Холодно – значит, по израильским понятиям уже зима!

Скачок в лето обычно происходит таким же образом. Весна длится почти мгновение: с зимы мы почти сразу делаем прыжок в летнее марево.

Ну а если у нас где-то действительно приходит настоящая зима и выпадает снег – это всеизраильская катастрофа. Потому что к настоящей зиме тут не приспособлены дома и дороги. Частенько вырубает в такие дни электричество.

Вот однажды, лет пять-шесть назад, у нас такое случилось. Вечером снег начал падать белыми пушистыми хлопьями на радость детям и взрослым. Естественно, все пошло радоваться на улицу: ловить ртом снежинки, играть в снежки, лепить снеговиков... Снег не переставал падать и шел весь следующий день. Тяжелый снег облепил ветки деревьев, они не выдерживали и ломались, иногда попутно рвали электрические кабели.

Снег покрывал черепичные крыши горкой, нижние слои снега, не выдерживая тяжести, соскальзывали вниз, попутно

ломая с треском пластиковые садовые столики и керамические цветочные горшки на частных участках.

Снег продолжал идти.

На дорогах осталась тонкая калея, покрытая наледью. Снегоуборочной техники на дорогах мы пару суток не наблюдали.

Межгородские автобусы, едва заехав в наш городок, высаживали всех пассажиров на окраине, и люди шли пешком по мокрой снежной каше. Некоторые, сиюсь защитить ноги от сырости, обматывали как портянками свои ноги поверх кроссовок полиэтиленовыми пакетами.

В доме начали готовиться к экстремальной ночевке без электричества. У нас в большой комнате, совмещенной с кухней и прихожей, стоял газовый обогреватель и нефтяной камин, поэтому здесь организовывались спальные места для всех членов семьи. В остальных комнатах стояли мгла и промозглый холод.

На столе и полках романтично горели и плавилась разнокалиберные свечи. На газовой плите булькал желанный горячий ужин, а в обычной кастрюле готовился кипяток для чая.

Батареи в телефонах были на нуле. Подзарядить их было нечем.

Старшие члены семьи после ужина собрались за беседой и предались воспоминаниям о былом. Младшие тосковали по интернету и прислушивались к разговорам, потом, заин-

тересовавшись, включались в них...

За двое суток намело до полутора метров снега.

На нашей стоянке во дворе жители даже не пытались откапывать свои автомобили, потому что надо было еще откапывать и весь выезд со двора, а это тон сто кристаллизованной воды – никто на такие подвиги не решался.

После выходных я еще два дня не ходила на работу, автобусы до моей остановки не добирались, и поэтому несколько близлежащих к моему дому остановок просто отменили. Я целый час, честно, простояла в ожидании автобуса, одетая, как капуста. Но потом подумала, что памятник мне на работе все равно не поставят, так что да ну ее, эту работу...

Одна израильтянка говорила другой: «Я-то думала, что снег легкий, как пух, но когда я открывала свои ворота, узнала, что лопата снега весит килограмм десять!»

Спустя пару лет, обсуждая этот локальный апокалипсис с приятелем, удивилась, когда услышала его точку зрения: «Это должно происходить в нашей жизни время от времени, чтобы мы понимали могущество стихии, почувствовали поддержку и тепло близких, и, хотя бы на время, вернулись к истокам».

И смех и грех

Домобильная эпоха

Мы с мамой работали в огороде на даче.

«Ой! – сказала тихо мама, – кажется, я забыла газ под чай-

НИКОМ ВЫКЛЮЧИТЬ».

Мы уехали утром, сейчас два часа дня... Фантазия рисовала картины локального апокалипсиса.

Я переодеваюсь и иду к остановке. Два километра. Минут сорок езды. Еще надо автобуса дожидаться, он ходит не чаще одного раза в час.

Остановился частник, спросил, не подвезти ли.

Я вообще-то к частникам не садилась тогда – времена были смутные.

А вдруг пожар?! Усаживаюсь в машину, поддерживаю разговор, делюсь опасениями.

А он: «Смотри, вот тут недавно дом сгорел, и вот тут тоже был пожар».

А я ни жива ни мертва – сижу на измене. Разве в доме повешенного говорят о веревке?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.